

А. Форрест*

МОСКОВСКАЯ КАМПАНИЯ 1812 ГОДА И СОЗДАНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

Влияние Наполеона на историю само по себе достойно легенды. На протяжении всей своей карьеры он в полной мере осознавал, какой репутацией пользуется у публики, и считал очень важным убедить других, что он гениальный полководец. В число этих «других», конечно же, входили его собственные солдаты и соратники-полководцы, но также иностранные правители и, чем дальше, тем больше, потомки, от которых будет зависеть его легенда. Жадный читатель исторических трудов, он твердо решил остаться в истории в качестве дальновидного властителя и вместе с тем блистательного и стремительного военачальника¹. Издаваемые им армейские бюллетени были мощным источником пропаганды. Многие из них даже намеренно дезориентировали читателей и искажали правду, чтобы представить дипломатию и стратегию Наполеона в лучшем свете. Например, если верить бюллетеням, Наполеон не искал войны с Александром и даже предпринял все усилия, чтобы избежать ее. Последней отчаянной попыткой сделать это была миссия Лористона, который должен был выяснить, есть ли средство «с началом переговоров примирить честь Франции и интересы ее союзников». Но все как будто было тщетно: бюллетень отметил, что «никакие средства не были больше возможны для достижения понимания между двумя империями. Дух, царивший в правительстве России, подталкивал ее к войне»². Наполеон хотел, чтобы Европа запомнила его миротворцем.

Еще более важной основой для пропаганды XIX в. стали мысли и рассуждения, которыми он поделился на острове Святой Елены с верным Эмманюэлем Лас Казом и которые последний, старательно записав, опубликовал в 1823 г., всего через два года после смерти Наполеона, под названием «Мемориал Святой Елены»³. «Мемориал» ни в

* *Алан Форрест, профессор Йоркского университета (Великобритания).*

¹ См. в первую очередь: *Holtman R.* Napoleonic Propaganda. Baton Rouge, Los-Angeles, 1950; *Forrest A.* Propaganda and the Legitimation of Power in Napoleonic France // *French History*. 2004. № 18. P. 426–445.

² Второй бюллетень русской кампании, выпущенный в Волковыске 22 июня 1812 г. Цит. по: *Markham D.J.* Imperial Glory: The Bulletins of Napoleon's Grande Armée, 1805–1814. L., 2003. P. 245.

³ *Las Cases E. de.* Le Mémorial de Sainte-Hélène / Édition établie et annotée par Marcel Dunan. 2 vols. P., 1951.

кчем случае не является историей наполеоновского времени. Но он дарит нам уникальную возможность: мы можем увидеть, как сам Наполеон понимал свои цели и о чем он жалел в последние годы своей жизни. Как пишет Дидье Ле Галль, «это прежде всего политический текст, главный создатель которого – Наполеон»⁴. С острова Святой Елены бывший император оглядывался назад на свою карьеру, пытаясь оправдать сделанные им решения, подчеркивая остроту своих политических суждений и заново переживая свои победы на поле битвы. Наполеон редко бывает самокритичным, а если он иногда и признает поражение или неудачу, он сразу же обвиняет в них кого-нибудь другого, неоднократно заявляя об ошибках и колебаниях своих подчиненных или обвиняя в измене тех, кому он доверился. Вероятно, не стоит удивляться тому, что одни войны его интересовали больше, чем другие. Дольше всего он останавливается на своих ранних кампаниях, Итальянской и Египетской, а также на своих величайших успехах, достигнутых в войнах против Австрии и Пруссии, кульминацией которых стали победы над врагами при Аустерлице и Йене и дипломатический триумф, достигнутый в Тильзите. С точки зрения Наполеона, эти годы стали зенитом его карьеры – за ними последовала патовая ситуация, а затем и поражение. Франко-австрийская война 1809 года стала последней, в которой ему удалось достичь победы, но даже в ней враг не был разгромлен: австрийцы реформировали свою армию, введя в ней армейские корпуса по образцу французской системы, на которой и основывалось могущество Наполеона⁵. Из поражений последних лет уже нелегко было сложить связный рассказ, тем более такой, который удовлетворил бы сторонников Наполеона и уберег бы от угасания угольки наполеоновской легенды, тлевшие вплоть до самого конца долгого девятнадцатого столетия.

Французское общественное мнение жаждало поклоняться герою и было готово внимать рассказу Наполеона об одном из самых бесстрашных походов в истории. Император был притягателен не только для Франции: в век романтизма он сумел завладеть умами целого поколения, и писатели всей Европы, в том числе и Англии, были одержимы им⁶. Конечно, во Франции культ Наполеона был сильнее всего. В 1815 г. в одночасье были расформированы многочисленные армейские подразделения, и сотни тысяч наполеоновских солдат были отправлены по своим

⁴ *Le Gall D.* Napoléon et le Mémorial de Sainte-Hélène. P., 2003. P. 10.

⁵ *Epstein R.M.* Napoleon's Last Victory and the Emergence of Modern War. Lawrence, 1994. P. 171.

⁶ *Bainbridge S.* Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 1995. P. 208.

деревням, создавая плодородную почву для ностальгии и распространения наполеоновской легенды⁷. При Реставрации любое проявление бонапартизма подавлялось, в особенности после убийства бонапартистом герцога Беррийского в 1820 г.⁸ Но с 1830 г., сначала при более лояльной к Наполеону Июльской монархии, затем при Второй империи, легенда воспрянула вновь, найдя свое выражение в романах и картинах, а также народной культуре – гравюрах Шарля Пеллерена и стихах Беранже, воспевавших Наполеона⁹.

Война в Испании, битва при Лейпциге, кампания 1814 года и Ватерлоо были масштабными военными поражениями, подвергавшими опасности репутацию Наполеона как полководца. Он в полной мере осознавал это, понимая, что и эти события необходимо как-то вписать в рассказ о своих деяниях. Например, Ватерлоо, самое абсолютное из поражений хотя бы в силу того, что оно было последним, он списал на стечение обстоятельств: это был «непостижимый день», когда гарантированная победа обернулась поражением, потому что часть его войска дезертировала, а часть соратников, по всей видимости, предала. Пусть Наполеону приходилось признавать Ватерлоо поражением, даже катастрофой, но какие-то очки он мог заработать и на нем. Он настаивал, что это было достойное уважения поражение, оставившее его славу и репутацию полководца в неприкосновенности, «исключительное поражение, в котором, несмотря на ужаснейшую катастрофу, слава побежденного ничуть не уменьшилась, а слава победителя ничуть не приросла». И он предсказывал, что «память побежденного переживет его поражение, а память победителя, возможно, будет погребена его же триумфом»¹⁰. Он не ошибался. На протяжении всего девятнадцатого столетия именно наполеоновская версия битвы принималась за основу и воспроизводилась снова и снова; благородный рассказ, сделавший императора истинным героем дня и вдохновивший исторические труды, литературные произведения, картины, повлияв даже на внешний вид самого поля боя¹¹.

⁷ *Petiteau N.* Lendemain d'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du 19e siècle. P., 2003. P. 128–36.

⁸ *Skuy D.* Assassination, Politics and Miracles: France and the Royalist Reaction of 1820. Montreal, 2003. P. 132–146.

⁹ *Hazareesingh S.* The Legend of Napoleon. L., 2004.

¹⁰ *Las Cases E. de.* Op. cit. Vol. 1. P. 761–762.

¹¹ *Largeaud J-M.* Napoléon et Waterloo: la défaite glorieuse de 1815 à nos jours. P., 2006. P. 67–70.

Россия: славное поражение?

Из всех поражений Наполеона самым страшным и наиболее прочно запечатлевшимся в народной памяти стало почти полное уничтожение огромной Великой армии в походе на Россию. Когда в 1812 г., несмотря на распыление военных ресурсов Франции и угрожающий характер войны в Испании, Наполеон единолично решил начать войну на Востоке, многим сразу показалось, что его проект полностью противоречит военной логике. Критически настроенные люди задавались вопросами: «Зачем такой авантюризм? Почему император никогда не прислушается к советам других?» Ответ Наполеона в полной мере соответствовал его декретам и прокламациям 1812 г., заявлявшим, что война необходима для защиты французской чести. Он утверждал, что царь, отказавшись от установления Континентальной блокады, порвал свои договорные обязательства с Францией и таким образом начал с ней войну. С его точки зрения Россия сделалась врагом Франции, сыграв на руку англичанам. В прокламации, распространенной во французской армии 23 июня 1812 г., Наполеон напомнил, что в Тильзите Россия поклялась оставаться союзницей Франции и провозгласила себя вечным врагом Англии. Теперь, заявил Наполеон, у Франции очень простой выбор – «между бесчестьем и войной». Он пообещал своим войскам, что их второе вторжение в Польшу принесет такой же богатый урожай наград, как и первое, и положит конец «тому губительному влиянию, которое Россия вот уже пятьдесят лет оказывает на европейские дела»¹². Однако на сей раз ему не суждено было достичь легкой победы и триумфального мирного договора, который сохранил бы честь Франции. Размах трагедии был очевиден всем. Мог ли он представить поход в Россию и свою собственную в нем роль иначе, чем в виде одной из величайших военных катастроф Нового времени? Мог ли он использовать эту кампанию для своей пропаганды?

Это было нелегко. Но в своих разговорах с Лас Казом Наполеон вновь подчеркнул качество своего планирования, непредсказуемые обстоятельства, которые объединились против него, и преследовавшие его злосчастия. Его явно злили обвинения современников в том, что он отказался от общепринятых военных принципов, что он позволил отрезать свою армию от источников снабжения, что он позволил врагу перерезать линии коммуникации. Он настаивал, что оставил в резерве в Смоленске достаточное количество войск, провианта и фуража; что

¹² Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la Campagne de Russie. P., 2012. P. 82.

его артиллерия была в порядке, и что вплоть до Москвы весь поход шел по плану. Он отрицал, что уход из Москвы означал отступление: ведь «армия была победоносной» и он попросту вывел ее на зимние квартиры в Польшу. Он настаивал, что если бы Москва не была сожжена, он сумел бы добиться победы и навязать царю мир¹³. Иногда он заходил еще дальше, доказывая, что он вообще не был побежден, а лишь осуществил стратегический вывод войск, за которым последовали дальнейшие победы, наиболее яркой из которых, конечно же, была битва на реке Березине. Там, благодаря мастерству и самопожертвованию своих понтонеров, он сумел, вопреки всему, перебросить через разлившуюся реку понтонный мост и вывести остаток своей армии в безопасное место. Это и в самом деле было героизмом: саперы работали весь день под обстрелом и сумели обеспечить армии путь для отхода, бросив в реку то, что оставалось от обоза и проведя по понтонному мосту последних усталых лошадей, что позволило войску форсировать реку под покровом темноты. Березина подарила отступлению слабый отблеск славы. Около девяти часов вечера 9-й корпус покинул свои позиции, оставив на левом берегу реки небольшой арьергард, чтобы наблюдать за врагом, а затем пересек понтонные мосты в боевом порядке, прихватив с собой всю артиллерию¹⁴. Так в создание наполеоновской легенды был заложен еще один кирпичик.

Битва на реке Березине раздувалась все больше, и в конечном итоге выяснилось, что благодаря своему скрупулезному планированию Наполеон спас армию и превратил поражение в победу. И все же эта битва не очень сочеталась с другими великими сражениями Наполеона хотя бы потому, что ему пришлось отчаянно подстраиваться под обстоятельства, которые были созданы не им. Битва в подобных условиях противоречила всем инстинктам Наполеона как полководца, всей его философии войны. Он никогда не придерживался оборонительной стратегии, всегда предпочитая сделать шаг вперед, перехватить инициативу, получить все преимущества, какие только могли предоставить скорость и неожиданное нападение. С этой точки зрения Наполеон был очень современным полководцем, никогда не забывавшим про долгосрочные цели и более широкий фронт операций: сражение существовало для Наполеона не само по себе, а неотделимо от более обширной кампании. Он рассчитывал военные операции, оценивая передвижение армии как единого целого, и придумывая, каким будет его следующий удар. Но на реке Березине он понял, что не

¹³ *Las Cases E. de. Op. cit. Vol. 2. P. 461–63.*

¹⁴ *Baucour F., Tabour J. et Ivchenko L. La Bérézina. Une victoire militaire. P., 2006. P. 68.*

может добиться полной победы, и ему пришлось отступать, сражаясь, оказывая сопротивление везде, где это только было возможно. Он чувствовал себя там не в своей тарелке и редко упоминал эту битву в разговорах с Лас Казом. Хотя если и было нечто, безусловно, славное в том, как Наполеон пересек реку и вывел из России Великую армию, особых плодов это не принесло. Он вскоре покинул войска и направился в Париж, чтобы снова взять в руки бразды правления, а в столице уже ходили слухи, что он бросил армию на произвол судьбы. Когда жалкие остатки его воинства брели обратно во Францию, он мало чем мог приукрасить горькую правду. Возможно, Березина и добавила глянца репутации Наполеона как тактика, но ничто не могло скрыть той истины, что поход закончился абсолютным провалом, а отступление было катастрофическим и глубоко деморализующим¹⁵.

Вернувшись во Францию, Наполеон, казалось, отрицал серьезность своего поражения, а в «Мемориале» даже старался преуменьшить французские потери в ходе кампании. «Собственно Франция потеряла в походе на Россию меньше пятидесяти тысяч человек» – заявил он, стараясь снять с себя всю ответственность за случившуюся беду¹⁶. Он сетовал на несостоятельность своих командиров – в особенности Мюрата, на которого он оставил армию в свое отсутствие после того, как ему пришлось, как он заявлял, вернуться в Париж по государственным делам¹⁷. И как известно, он обвинил в своем провале стихию – жестокую и непредсказуемую русскую зиму, внезапно и свирепо его атаковавшую, когда он отложил свой отход в Польшу. Однако решение оставаться в Москве, дать отдых своей армии и вести переговоры с Александром он принимал единолично. Не было ли это его ответственностью как главнокомандующего? Кроме того, он заявлял, что принял все разумные предосторожности на случай снегопада. Конечно, он знал, что в России в декабре и январе будет холодно, но он аккуратно изучил записи температуры за предыдущие двадцать лет и решил, что в ноябре не бывает холоднее шести градусов мороза. В любом случае, настаивал он, если бы армия покинула Москву на три дня раньше, она достигла бы пункта своего назначения благополучно. Эти три дня стоили жизни тридцати тысячам лошадей¹⁸. Другими словами, Наполеон изобразил себя перед потомками жертвой обстоятельств, а не собственных ошибок и неверных суждений. Да,

¹⁵ Colson B. Napoléon. De la guerre. P., 2011. P. 244.

¹⁶ Las Cases E. de. Op. cit. Vol. 2. P. 465.

¹⁷ Ibid. P. 464.

¹⁸ Ibid. P. 463.

Великая армия потерпела поражение в России. Но она была побеждена не русской армией, сильные и слабые стороны которой он в полной мере понимал и которая, как он заявлял, понесла бесконечно большие потери, нежели французы¹⁹ – а изменчивостью русского климата. Если бы морозы не настали двумя неделями раньше, чем обычно, его армия, конечно же, достигла бы Смоленска в целостности и сохранности и могла бы не опасаться русских войск²⁰.

Кроме того, Наполеон пытался сделать вид, что никакого долгосрочного ущерба не причинено и Франция готова сражаться, в большей степени готова и в большей степени к этому способна, чем какая-либо другая европейская держава. В январе 1813 г. он заверял своих министров, что Россия нуждается в мире. Австрия, Пруссия и Дания принесли торжественные клятвы верности, а Англия не станет упрямиться, ведь самые важные ее интересы находятся под угрозой. А вот если Франции придется начать новую войну, говорил он, не может быть сомнений, что народ к этому готов, что у Франции по-прежнему огромные ресурсы, что она едина в своей решимости и не желает отказываться от своих завоеваний и своей славы²¹. На самом деле французская армия не проиграла, а в новом конфликте, конечно же, одержит верх. Ему помешала лишь суровость климата. Имперский проект был все еще на плаву.

Война, проигранная холодам

Конечно, взгляд Наполеона не был совсем уж безосновательным. Снег и лед, не дававшие покоя французам при отступлении из Москвы, привели к бедствию, что после прихода зимы вынуждены были признать даже бюллетени Великой армии. Их настрой резко изменился. Ноябрьские бюллетени полны оптимизма, а иногда и ликования. Французы по-прежнему были уверены, что они победили русскую армию, пока не достигли Москвы²². Но 29-й бюллетень, вышедший в *Moniteur* 17 декабря, был выдержан уже совсем в иной тональности. Он сообщал, что армия теперь находится под ударом всех сил русской зимы,

¹⁹ Обсуждение сильных сторон русской армии и достоинств русских командующих см. в кн.: *Lieven D. Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814.* L., 2009. Его заключение весьма решительно: «Одна из ключевых причин победы России над Наполеоном заключалась в том, что лидеры России оказались дальновиднее его» (Р. 526).

²⁰ *Ibid.* Vol. 2. P. 463.

²¹ *Beaucour F., Tabour J. et Ivchenko L.* Op. cit. P. 107.

²² См. например : *Bulletins 26 and 27 (extraits du Moniteur du 16 et 17 novembre 1812) // Bulletins de la Grande Armée: Campagne de Russie, 1812 / Éd. par St. Le Couëdic.* P., 1997. P. 115–120.

с начала ноября положение непрерывно ухудшается и теперь люди уже неспособны действовать как армия. Зашла речь об «ужасающем бедствии», начавшемся с лошадей и распространившемся по всему войску. Каждую ночь несколько сот лошадей подыхало из-за мороза и нехватки подходящего фуража, стремительно сокращая число животных, необходимых для кавалеристов и для транспорта. К 3 декабря было потеряно более 30 тысяч лошадей, большинство из которых погибло всего за несколько дней, и это не могло не повлиять на боеспособность всей армии. Кавалеристам пришлось сражаться пешими, а для перевоза артиллерии и припасов лошадей не хватало. Пришлось признать, что «мы принуждены были большую часть своих пушек, также военных и съестных припасов оставить на дороге или уничтожить». Нехватка орудий подрывала боеспособность; войску приходилось двигаться без остановки, чтобы избежать сражения²³. Другими словами, армия оказалась на грани полного краха.

У русских кавалеристов не было таких проблем с лошадьми. С точки зрения Доминика Ливена, выносливость и другие качества российских лошадей были одним из ключевых различий между армиями, одной из главных причин поражения Наполеона. Он объясняет, что маленькие коренастые степные лошадики были гораздо лучше приспособлены к условиям зимы на севере, и у кавалеристов не было необходимости искать для них фураж. Россия, с его точки зрения, была обеспечена лошадьми лучше, чем любая другая страна в мире, поскольку лошади, использовавшиеся в нерегулярных казацких, башкирских и калмыцких полках, хотя и не могли сравниться красотой с северонемецкими лошадьми, выращенными специально для армии Наполеона, были превосходно приспособлены к тем условиям, в которых они оказались:

«Лошади донских казаков были неказистыми, небольшими, быстрыми и очень маневренными. Они могли скакать дни напролет, преодолевая дальние расстояния в дурную погоду по пересеченной местности и обходиться очень небольшим количеством корма – что отличало их от лошадей регулярной кавалерии. В родных краях казацкая лошадь привыкла есть траву. Зимой она могла вырыть передними копытами небольшую ямку, чтобы добраться до травы и корней, скрытых под снегом и льдом»²⁴.

²³ Bulletin de la Grande Armée numéro 29 (extrait du Moniteur du 17 décembre 1812) // Bulletins de la Grande Armée. P. 127–131.

²⁴ Lieven D. Op. cit. P. 27.

Русские офицеры могли оценить размах бедствия, постигшего французов, и знали, как использовать его. Конные казаки начали нападать на отставших от армии солдат и перерезать линии снабжения. А вот французские солдаты пали духом, поняв, что русская зима лишила Наполеона победы, которая, казалось, уже была в его руках.

Но поражение французов нельзя полностью списать на погоду или на качества русских лошадей. Наполеон сделал несколько стратегических ошибок, хотя и не хотел их признавать. Он слишком долго ждал в Москве, прежде чем отдать приказ армии об отступлении на зимние квартиры, он потерял массу времени в бесплодных попытках вести переговоры с Александром, пока его армия сидела на мели, не имея четкого представления о том, куда отступать²⁵. И что бы по этому поводу ни возразил Наполеон, положение в его собственной армии усугублялось тем, что снабжение войск было спланировано плохо, и он слишком полагался на то, что найдет пищу для солдат и корм для животных на месте. Почти сразу же после того, как французы покинули Москву, их стала преследовать нехватка припасов, и, в первую очередь фуража, что подрывало мощь армии и ее боевой дух. Как свидетельствует молодой кавалерийский офицер Гаспар Дюк, русские сумели извлечь выгоду из этого положения. Он рассказывает, как почти сразу после того, как началось французское отступление, подразделения казаков стали убивать фуражиров, тщетно пытавшихся найти в соседних деревнях корм для своих лошадей. Непогода уже началась, но французы еще не попали в объятия русской зимы. Их главным врагом по-прежнему был голод и вызванная им страшная апатия. Каждый раз, когда лагерь снимался с места, фуражиры отправлялись на поиски припасов, но добывали для своих лошадей разве что солому с крыш. Земля теперь промерзла, и их страданиям не было предела. «Лошади дохли как мухи, и их трупы лежали вокруг полка в порядке, не лишенном симметрии, и напоминавшем крепостной вал»²⁶. Дюк считал, что эти проблемы, с которыми столкнулась армия, начавшая вторжение за сотни миль от дома, вполне можно было предвидеть до начала похода. Наполеону следовало лучше понимать, что предстояло его солдатам.

Этим лишениям не подверглись русские, у которых были большие запасы патриотизма и которые могли на протяжении всей кампании найти еду для себя и для лошадей. Граф де Ланжерон, французский

²⁵ Faget R. La campagne de Russie // Dictionnaire des guerres et des batailles de l'histoire de France. P., 2004. P. 732.

²⁶ Ducque G. Journal de marche du sous-lieutenant Ducque. P., 2004. P. 37.

эмигрант, ставший генералом русской армии в 1812 г., подчеркивал эту решающую разницу между двумя армиями. В то время как французы не осмеливались отправляться на поиски фуража, опасаясь подвергнуться новому нападению казаков, казаки реквизировали провизию для снабжения русской армии из соседних деревень. Русские не голодали; их лошади были сыты, и их одежда гораздо лучше подходила к условиям русской зимы. Это все очень контрастировало с французской армией: «несчастные французы, в короткой одежде и тонких мундирах, без шинелей, не имели никакого провианта и питались только павшими лошадьми; они резали их кусками и жарили, нанизав на палку, но чаще ели сырыми, и эта ужасная пища вызывала у них зачастую дизентерию, ослабляя их вместо того, чтобы укреплять»²⁷. Русская армия в полной мере понимала ценность северной зимы для своей победы. Неделя следовала за неделей, и русские видели, как французы падают вдоль дороги, оставаясь умирать в снегу.

Записки солдат

Неудивительно, что солдаты Великой армии в своих записках о походе оставили множество описаний тех лишений, которые они перенесли, сурового мороза, ослепляющей вьюги, страшных физических усилий, которых потребовал долгий поход на Москву и последовавшее за ним отступление. Они на собственном опыте пережили тот уровень страданий, который другие могли себе только вообразить, и подобно стольким солдатам других войн, они чувствовали необходимость объяснить часть пережитого своим семьям, своим друзьям, тем, кто не мог в полной мере понять ужас того, что им пришлось испытать²⁸. Как и Наполеон, они делали упор на суровость климата и пережитые страдания, а не на плохую тактику или чрезмерные амбиции командования. Таким образом, они помогли увековечить взгляд самого императора на кампанию: она развивалась очень хорошо, пока не выпал снег и капризы погоды не лишили Наполеона победы.

Похоже, что мало кто напрямую критиковал императора или ставил под вопрос его качества как полководца. Французские солдаты слишком привыкли считать его спасителем, человеком, который приведет к победе, чья тактика и военный гений могут спасти их жизни. Некоторые упрямо продолжали повторять эти мантры, не в силах отвыкнуть от того,

²⁷ *Langeron, A.L. Andrault de. Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe, campagnes de 1812, 1813, 1814. P., 1902. P. 91.*

²⁸ *Hynes S. The Soldiers' Tale: Bearing Witness to Modern War. L., 1997. P.10.*

что походы заканчиваются победами. Армейский врач Генрих фон Роос писал, что вплоть до отчаянной резни на реке Березине, репутация Наполеона среди его солдат в общем и целом оставалась прежней. «На него смотрели с восхищением, и мы следовали за ним с доверием и надеждой. Как часто я слышал от офицеров самых разных национальностей: «Пока Наполеон с нами, отвага нам не изменит»²⁹. Для многих людей, даже находившихся на грани отчаяния, имя Наполеона сохраняло свою магию, и они говорили, что его присутствие дарит им новую надежду даже посреди снегов и гнетущего пейзажа России.

Этот рефрен привычно повторялся на протяжении многих лет в Италии, на берегах Рейна, в Австрии, Пруссии и Польше, а когда Наполеона рядом не было или он появлялся лишь ненадолго, как в Испании, боевой дух часто падал. Но теперь его восхваляли уже далеко не все. Даже некоторые из его собственных маршалов высказывали сомнения с самого начала кампании³⁰. А преданность его солдат подверглась серьезному испытанию мучительного отступления из Москвы. Некоторым, видимо, все уже надоело. Гаспар Дюк был одним из тех, кто озвучил застарелое недовольство бесконечными походами Наполеона, его ненасытным желанием все новой славы. Дюк не был французом. Он был из вюртембергского контингента Великой армии, и это отчасти может объяснять его отношение. Но его рассказ о мрачности и унынии, царивших во французском лагере, до ужаса красочный, и Дюк часто и весьма резко критикует императора. По его словам, солдаты дезертировали целыми толпами, а те, кто оставался в строю, предавались отчаянию. Еще до того, как начались по-настоящему суровые морозы, они полностью потеряли надежду вернуться живыми и вновь увидеть родимый край. «В разговорах тихий ропот уступил место громким проклятиям в адрес ненасытных амбиций императора, которого все больше и больше винили во всех лишениях. Его обвинили, что он слишком медлил, прежде чем пуститься в столь длительный путь; задались вопросом, что даст ему победа, кроме очередной битвы, которая навсегда прославится количеством убитых; упрекали его, что он слишком поздно начал свой столь далекий поход; спрашивали, что дало завоевание Москвы, полностью уничтоженной огнем». А еще солдаты задавались вопросом, разумно ли оставлять за своей спиной, в Центральной Европе, союзников, чья верность сомнительна, и которые, конечно же, воспользуются первой же возможностью, чтобы составить против него союз³¹. В

²⁹ *Roos H. von. Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée. P., 2004. P. 128.*

³⁰ *Ségur Ph.-P. de. La campagne de Russie, 1812. P., 2012. P. 46–47.*

³¹ *Ducque G. Op. cit. P. 37.*

последующие дни подобные заявления звучали все чаще и чаще, а армия, смертельно ослабленная усталостью и лишенная того, что могло бы называться кавалерией, была принуждена отбиваться от все более частых и страшных нападений врага.

Голод, изможденность и отчаяние отступающей армии внесли немалый вклад в русскую победу, но не в меньшей степени ее обеспечили обновленная тактика русской армии и отвага русских солдат. И рассказы французов часто отдавали противникам должное. Если Наполеон стремился представить свое поражение в России как результат холода и невезения, с презрением отзываясь о русской армии, его солдаты часто с восхищением говорили о противостоящих им войсках. Даже отступающая русская армия произвела на них сильное впечатление. Фон Роос, видевший русские войска при Бородино, написал: «Мы знали, что русские под обстрелом сохраняют силу и порядок». Их решимость впечатлила его, особенно когда русские отступали, нанося быстрые контрудары по французам и не оставляя в руках врагов ни одного из своих³². Сегюр отмечал, что русские солдаты проявляли бóльшую твердость и решительность перед лицом боли и страдания, нежели их противники-французы; его впечатлила отвага русских³³.

Некоторые из русских солдат заслуживали специального упоминания. В особенности казаки, в которых видели опасных врагов. Дисциплинированные и осторожные, они наблюдали за отступлением французов, пока не чувствовали, что пришел момент нанести удар; тогда они быстро и безжалостно атаковали, вызывая во французском войске панику. Конечно, на французских солдат воздействовали и стереотипы о жестокости казаков: было страшно попасть к ним в плен, потому что за этим, как опасались французы, могли последовать пытки и издевательства. Но казаки были сильны далеко не первобытной дикостью. Многие французские офицеры высоко оценивали их качества как солдат и говорили об их неукротимой храбрости. Кроме того, в воспоминаниях не раз проскальзывает восхищение методами боя казаков, их способностью осуществить внезапное нападение. Это восхищение было смешано со страхом и трепетом. Рене Буржуа, опубликовавший свой труд почти сразу после возвращения во Францию, в 1814 году, вспомнил один особенно памятный случай, когда эскорт Наполеона внезапно подвергся атаке казацкого отряда, прокричавшего свой традиционный боевой клич и обрушившегося на французов «с такой стремительностью, что у нас не было времени подготовиться к бою»:

³² *Roos H. von.* Op. cit. P. 96.

³³ *Ségur Ph.-P. de.* Op. cit. P.108.

«В одно мгновение они пересекли дорогу, поражая пиками все, что попадалось им на пути, а затем стремительно исчезли за деревьями. По-видимому, это нападение, удивительно отважное – ведь оно приходилось на самую середину нашей армии – имело целью захватить самого Наполеона; в самом деле, он был в весьма опасном положении и чуть было не попал в плен»³⁴.

Если казаки чуть было не захватили самого императора, это доказывает, что они и в самом деле были удивительными бойцами – такими, что время от времени кажется, будто в глазах французов все нападавшие на них русские и все блистательные русские наездники автоматически классифицировались как «казаки». После 1815 г., когда Франция находилась под оккупацией союзных войск со всей Европы, от испанцев и австрийцев до шведов и баварцев, парижан больше всего впечатлили «казаки на Елисейских полях». К тому моменту образ казака соединял в себе все народы Восточной Европы. «Эти дикари, эти гунны, которых мы вначале считали чудовищными каннибалами, понемножку стали всего лишь удивительными иностранцами»³⁵.

Масштаб французского бедствия и тяжелого положения армии было не скрыть. Войско было разгромлено и деморализовано: беспорядок дошел до такой степени, что офицеры уже не пользовались никаким авторитетом у своих солдат, а те жгли и грабили все, что им удавалось найти. Дюк печально отметил, что его собственный полк сократился до такой степени, что «почти полностью перестал существовать», и в конечном счете «от полка осталось лишь небольшое число офицеров, их ординарцев и слуг, а также немного физически и морально крепких людей, которым удалось продержаться»³⁶. Как и остальная армия, остаток его полка добрался до Вильно угнетенным и подавленным после всех невзгод, выпавших на его долю, а те, кто выжил, были глубоко травмированы.

Люди, пережившие эти месяцы и сумевшие возвратиться во Францию и вернуться к мирной жизни, помнили свои страдания до конца дней. И хотя они не скрывали своих мучений, лишь немногие выразили сожаление или нелояльность по отношению к императору. Его окружение (к примеру, барон Фен) продолжало верить в его интеллектуальное

³⁴ *Bourgeois R.* Tableau de la campagne de Moscou en 1812, par René Bourgeois, témoin oculaire. P., 1814. P. 87.

³⁵ *Hantraye J.*, Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005. P. 6.

³⁶ *Ibid.* P. 43.

превосходство, и если и признавали за ним некоторые ошибки, считали их незначительными по сравнению с его достоинствами. «Какому бы препарированию мы его ни подвергли, – утверждал Фен, – скальпель любопытства потеряется среди огромного числа врагов, сумевших его одолеть, и любимых им людей, которые предали его!»³⁷ Многие офицеры были с этим согласны и всячески старались сохранить память о Наполеоне. То, что они написали – письма с фронта, дневники кампании или (что особенно повлияло на память о походе) мемуары, опубликованные после возвращения во Францию, – сыграло важную роль в увековечивании наполеоновской легенды³⁸. А рассказы бойцов, делавшие упор на голод и нужду и прежде всего на обессиливающие снег и лед, подтверждали рассказ самого Наполеона.

В солдатских рассказах и в первую очередь в самых непосредственных и стихийных, например в переписке с семьями и возлюбленными, редко бывают какие-либо политические замечания и лишь время от времени встречаются патриотические излияния. С солдатами не обсуждается стратегия, а их знания о том, что происходит на других театрах военных действий, весьма ограничены. Их боевой опыт всегда локален: что приказали сделать их подразделению, какие потери они понесли. Поэтому их заботы связаны в первую очередь с сиюминутными заботами – качеством рациона, задержками с выплатой жалованья, состоянием их здоровья и жизненными условиями. Как нам напоминает Сэмюэл Хайнс, это относится ко всем войнам, даже войнам двадцатого столетия; и уж тем более это было так в ту пору, когда многие бойцы были неграмотными или полуграмотными и не все свои чувства могли спокойно выразить³⁹. Нынешние солдаты, по крайней мере, не боятся выразить свои чувства – неприкрытую любовь, страх, тревогу, отчаяние. В Европе XVIII в. мужчины, признававшиеся в своих эмоциях или сентиментальности, чувствовали себя не в своей тарелке – это не было частью общепринятого мужского кодекса. Были и другие запретные темы, например все, связанное с трусостью или нерешительностью перед лицом врага⁴⁰. Некоторая застенчивость еще больше ограничивала

³⁷ *Fain A.-J.-F.* Napoleon: How he did it: the Memoirs of Baron Fain, First Secretary of the Emperor's Cabinet. San Francisco, 1998. P. 194.

³⁸ *Forrest A., Hagemann K., Rendall J.* Introduction // *Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars.* Basingstoke, 2009. P. 9–12.

³⁹ По поводу общей грамотности в связи с рассказами солдат см.: *Hynes S.* Op. cit; по той же теме в связи именно с французской армией в Наполеоновских войнах см.: *Forrest A.* *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire.* L., 2002.

⁴⁰ *Forth Ch. R.* *Masculinity in the Modern West: Gender, Civilization and the Body.* Palgrave, 2008). P. 114–122.

спектр тем, доступных среднему солдату, особенно если он писал домой – матери или сестре. Подобная ситуация в особенности ограничивала сексуальные темы. Солдаты редко упоминали о встречах или разговорах с девушками и хранили почти полное молчание по поводу более серьезных вопросов – мимолетных любовных историй или изнасилований. Эти вопросы обходятся молчанием; лишь иногда тот или иной офицер мог упомянуть, что солдаты его полка подверглись обвинениям в изнасилованиях или намекнуть о последовавших за этим дисциплинарных мерах.

Кроме того, солдат не мог спокойно критиковать командование или упоминать детали, способные выдать позиции французской армии. Хотя на самом деле цензура была весьма слабой, солдаты об этом часто не знали и иногда предостерегали своих родителей, чтобы те не написали в письмах из дома чего-нибудь такого, что могло бы подвергнуть их гневу цензоров. Поэтому в своих письмах солдаты писали лишь о своих непосредственных заботах и о том, о чем было безопасно писать – о холоде и сырости, о грязи и снеге, о нехватке припасов и плохой еде. Наконец, они писали родителям о том, в чем, как им казалось, тех можно было уговорить помочь – о своей отчаянной нужде в деньгах, пусть даже небольшим их количестве, чтобы можно было купить еды, выпить с друзьями – сделать что-нибудь, что отвлечет их от каждодневного ужаса их жизни. Лишь позже, когда у солдат появилась возможность поразмыслить, найти для своего рассказа тему – и, конечно же, когда война была проиграна, а общество лучше знало, что произошло, – тогда в их рассказах стало вырисовываться нечто вроде общей картины происшедшего. Но и большинство опубликованных воспоминаний тоже подчинены темам смерти и голода, и в них включены длинные описания, описывающие ужас долгого отступления. Эти мемуары стали основой европейской памяти о российском походе, в значительной степени подтвердив изложенную Наполеоном версию событий.

Некоторые из них исключительно ярки и рисуют яркие картины страданий и смерти, которые еще долго не давали покоя умам девятнадцатого столетия, напоминая, что в наполеоновских батальонах служили не только бедные и малообразованные люди. Юному Дюверже было всего восемнадцать, он незадолго до того окончил лицей Наполеона в Париже и, движимый, как он нам сообщает, желанием прославиться, попросил о месте интенданта в армии. Конечно, то, с чем он столкнулся, вступив в армию Даву в Гамбурге, сильно отличалось от его представлений, но в его рассказе о походе на Москву почти ничто не предвещает той беды,

которой предстояло разразиться. Армия была хорошо снабжена, и еды было более чем достаточно. А вот на обратном пути, когда выпал снег, солдаты столкнулись с нуждой, усталостью и голодом. Дюверже рассказывает, что конина быстро стала предметом роскоши, а большинство мужчин выживало, питаясь жидким супом из снега с жиром. Почти каждый день солдаты видели, как их однополчане падали на землю от усталости, неспособные продолжать борьбу, обреченные на смерть посреди русской зимы. Смерть была вездесуща, хотя и приходила разными путями. «Смерть, – пишет Дюверже, – проявлялась по-разному, странным образом. Один подходил к тебе с радостным выражением лица, смеющимися глазами, крепко пожимал руку – и был обречен. Другой смотрел на тебя мрачно, говорил с гневом и отчаянием. Он тоже был обречен. Но эгоизм стал во главу угла; друзья и родные были позабыты. Сердца были разбиты, души мертвы; люди глядели друг на друга с тупым безразличием, пинком ноги отбрасывая труп, занимавший ценное место у костра, сердито отталкивая умирающего, которому казалось, что он имеет право занять свободное место»⁴¹.

Самые глубокие размышления часто содержатся в мемуарах, написанных спустя долгие годы, когда у офицера или солдата было время обдумать свои воспоминания и сформулировать свои впечатления о походе. Но повседневность была столь ужасной, что даже письма, которые они писали своим семьям, часто не отходя далеко от поля боя и в очень неудобном положении, изобилуют такими описаниями смерти и увечий, что они вряд ли могли вдохновить родственников. Удивительное множество этих посланий дошло до нас, в том числе целые кипы писем, которые в хаосе отступления были перехвачены русскими на пути к польской границе⁴². Несколько примеров могут дать некоторое понятие об этой корреспонденции. Когда в 1812 г. Луи-Франсуа Куантрен писал своей матери из Москвы, он был лейтенантом. Он описывает поле боя, устланное трупами, и сообщает ей, что он сам чуть не потерял обе ноги от вражеского огня. Он сообщает, что его полк понес тяжелые потери, хотя и добавляет обнадеживающим тоном, что среди мертвецов «на каждого француза приходилось, по меньшей мере, восемь русских»⁴³. К этому сообщению стоит относиться весьма осторожно, потому что Куантрен, как и большинство французов, в основном узнавал об исходах сражений из самого предвзятого из источни-

⁴¹ *Chuquet A.* Human Voices from the Russian Campaign of 1812. Cambridge, 1994. P. 52.

⁴² *Hennet L., Martin E.* Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. P., 1913.

⁴³ *Ibid.* P. 18.

ков – наполеоновского бюллетеня. Некоторые прятались за дымовой завесой бравады. Франсуа Бондю в своем письме матери, оставшейся в Морване, рассказал, как за ним погнались пятеро казаков, которые стреляли в него и кололи пиками, и трижды его ранили, хотя ни одно ранение не было особо серьезным, несмотря на сильное кровотечение; Бондю с гордостью добавляет, что «отвага такого солдата, как я, ободряет каждого истинного француза»⁴⁴. Но бравады надолго не хватает ни автору послания, ни адресату. Более типичное настроение передает письмо, написанное в ноябре 1812 г. Франсуа-Луи Рео, ответственным за поставку мяса в армию, в котором он прощается с женой словами: «Отдыхай в своем чистилище, которое не сравнится с нашим адом»⁴⁵. Он не приложил никаких усилий, чтобы скрыть свое отвращение ко всему, связанному с «русской кампанией». Другой офицер, адъютант военного комиссара Лами, высказался еще резче, сообщив своему шурина, что его войска никогда не сталкивались с такими ужасными условиями, как в России, и все те, кто сражался на Пиренейском полуострове, сравнивая ту войну с нынешней, вспоминают Испанию с любовью⁴⁶. Если учесть, какой тяжелой для французов была война в Испании, это сравнение впечатляет.

Франция, Россия и Запад

В представлении Наполеона об империи всегда было нечто эпическое. Эта империя должна была простираться через весь европейский континент и обеспечивать своим гражданам справедливость и хорошее управление. Подобно всем образованным людям того времени, он читал античных классиков и имел достаточное представление о средневековой истории, чтобы вдохновляться Римской и средневековой христианской империями; он говорил о себе как о наследнике Карла Великого, а свою империю, охватившую всю Европу, считал новейшим аналогом Священной Римской империи, которую он символично приказал уничтожить в 1806 г. И хотя в его взглядах сложно усмотреть какую-либо духовную глубину, он был готов, вслед за императорами прежних лет, видеть в Европе единую культуру, единую цивилизацию, рамки которой задавало христианство⁴⁷. В этом свете российская кампания приобретала новый смысл и могла претендовать на особое место в наполеонов-

⁴⁴ Ibid. P. 53.

⁴⁵ Ibid. P. 254.

⁴⁶ Ibid. P. 171.

⁴⁷ *Broers M.* Napoleon, Charlemagne and Lotharingia: Acculturation and the Borders of Napoleonic Europe // *Historical Journal*. 2001. № 44. P. 135–154.

ской легенде. Это был не просто неслыханно отважный поход с целью наказать царя за его неверность и укрепить шатающуюся Континентальную блокаду, направленную против Англии, хотя и эти цели в глазах сторонников императора были достаточно благородными (вместе с тем будучи неприемлемыми для России, отправлявшей более половины своих экспортных товаров на английских кораблях)⁴⁸. Наполеон смотрел на это куда более широко. Победа в России позволила бы ему покончить с давним разделением на Восток и Запад, на православие и католицизм, объединив всю Европу в цельном и гармоничном государственном образовании, а после успешного вторжения в Россию у него на европейском континенте не осталось бы никаких соперников. Этот поход мог стать его решающей победой, а неудача запятнала его репутацию и способствовала упадку духа и депрессиям, от которых он страдал в последние годы жизни. Дневниковая запись Лас Каза от 4 ноября 1816 г. наглядно передает настроение Наполеона в этот день: «Говоря о чудесах своей жизни и превратностях своей судьбы, император сказал, что он должен был умереть в Москве; что его военная слава была бы незапятнанной, а его политическая карьера не имела бы себе равных в мировой истории»⁴⁹.

Но ограничивались ли мечты Наполеона военными завоеваниями? Даже у него не было иллюзий о возможности контролировать огромные территориальные массивы России. Непосредственными целями похода было наказать царя и укрепить Континентальную блокаду, а не присоединить Россию к Франции. Но кроме того, образ России, господствовавший в то время во Франции и в большей части Западной Европы, неизбежно наводил на мысль, что речь идет еще и о культурной миссии, о необходимости навязать ценности более цивилизованного Запада жестокому и порой варварскому Востоку. Конечно, Россия не была неизвестной западноевропейцам, особенно с того момента, когда при Петре Великом она открылась Западу, а среди российских элит распространилось французское Просвещение. Все большее количество западных путешественников отправлялись в рискованный путь в Восточную и Центральную Европу, а их заметки оставляли незабываемое впечатление о городах и деревнях, которые они посещали⁵⁰. Для других Россия ограничивалась придворным обществом. Художники и философы легко перемещались между Парижем и Санкт-Петербургом, часто впечатляясь до-

⁴⁸ *Rey M.-P.* Op. cit. P. 32.

⁴⁹ *Las Cases E.* Op. cit. Vol. 2. P. 509.

⁵⁰ Мысли и воспоминания французских путешественников см.: *Grève Cl. de.* Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français au 18e et 19e siècles. P., 1990.

стоинством, пышностью и высоким искусством русской столицы⁵¹. Писатели нередко позволяли себе очаровываться культурными соблазнами двора Екатерины II и рассказывали о России, которая все больше проникается западным духом и становится частью мира Просвещения. Но рассказы тех, кто отправлялся дальше, кто посещал маленькие города, получал представление о русской деревне и видел что-то, кроме золоченых салонов имперского Петербурга, сильно отличались⁵². Они часто подчеркивали азиатский облик городской архитектуры, нищету жизни обычных русских, неизбежную суровость стихий, жестокость телесных наказаний, «рабство» и «варварство» крепостного права. В их описаниях Россия отнюдь не была просвещенной или цивилизованной – она представляла жестоким, диким обществом, отрицавшем те самые ценности, на которых строилась «цивилизация» в понимании Запада. Российское общество было диким и неконтролируемым, как и его солдаты, в особенности экзотичные казаки или татары. «Энциклопедия» и другие тексты XVIII в. описывали их дикость и воинственность, склонность к масштабному насилию и грабежу, чем, с точки зрения авторов, они отличались от западноевропейцев⁵³.

Одним словом, в литературе конца XVIII в. Россия изображалась двумя очень разными способами: просвещенная Россия, городская, культурная и говорящая на французском языке; и Россия за пределами узкого круга петербургской элиты, жестокая, живущая едва ли не при племенном строе, и азиатская, далеко отстоящая от ценностей европейской цивилизации. Именно с этой Россией встретила Великая армия, переправившись через Неман, с Россией, которая, с точки зрения Руссо, плохо подходила для реформ Петра. В своем «Общественном договоре» он заявил, что Петр попытался достичь невозможного. «Он понимал, что его народ – варварский, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества; он хотел сразу просветить свой народ, тогда как надо было его готовить к войне»⁵⁴. Руссо говорит о варварстве сдержанно, но другие заходили гораздо дальше. Как продемонстрировал Марк Белисса, образ России во французской прессе последних десятилетий перед революцией сводился к набору грубых стереотипов. К приме-

⁵¹ О поступательном развитии культурных связей Франции и России во второй половине XVIII в. см.: *L'influence française en Russie au 18e siècle* / Éd. par J.-P. Poussou, A. Mézin, Y. Perret-Gentil. P., 2004.

⁵² *Pinault-Sørensen M. Impressions d'artistes français en Russie au 18e siècle // L'influence française en Russie au 18e siècle*. P. 393–407.

⁵³ *Belissa M. La Russie mise en Lumière: Représentations et débats autour de la Russie dans la France du 18e siècle*. P., 2010. P. 68–70.

⁵⁴ *Brégeon J.-J. 1812. La paix et la guerre*. P., 2012. P. 135.

ру, во «Всеобщем словаре» Жан-Батист Робине высказывает множество стандартных клише о русском национальном характере. По природе своей русские подозрительны и кровожадны; они «невежественны», «варвары», получающие удовольствие лишь от пьяного буйства⁵⁵. А Петербург, как бы ни пытался, не может уйти от своих азиатских корней и достичь того уровня культуры, к которому стремился. Он находится в неудобном положении, на полпути между цивилизацией и варварством. Граф Луи-Филипп де Сегюр, приехав в Петербург в 1784 г., сказал, что речь идет о запутанном сочетании десятого века с восемнадцатым, азиатских манер с западноевропейскими⁵⁶. Восприятие русских французами в большой степени отличалось той же амбивалентностью. Наполеон никогда не относился к ним с тем же презрением, что к испанцам, по поводу которых он заявлял, что они «ленивые», «полудикие», «суеверные», добавляя к тому же, что испанский крестьянин «ненавидит все, что могло бы вывести его из варварского состояния»⁵⁷. Русских он так не оскорблял. Он подчеркивал, что его война была политическим конфликтом с руководством страны, но не с русским народом.

Конечно, подобным образом русских характеризовали не только французы. Пруссаки и австрийцы, к примеру, видели Европу немецкими глазами, считая своих восточных соседей – поляков, русских и различные балканские народы – отсталыми и менее культурными, чем они сами. В рядах наполеоновской армии были солдаты из большинства частей европейского континента, в том числе и многочисленные немцы. В своем восприятии страны и народов они немало позаимствовали из привычных предрассудков и много чем их дополнили. Они сыграли свою роль в том, что Ларри Вульф назвал ключевым «культурным конструктом» Просвещения и второй половины XVIII в., «набором общих и ассоциативных наблюдений о различных странах и народах», которое он называет «изобретением Восточной Европы»⁵⁸.

Российская кампания в коллективной памяти

На острове Святой Елены Наполеон беспокоился не столько о войне, которая осталась в прошлом, сколько о том, как ее будут вспоминать поколения потомков, в каком виде его подвиги останутся в коллективной памяти народа. Ход большинства войн забывает, а вот их последствия

⁵⁵ *Belissa M.* Op. cit. P. 7.

⁵⁶ *Wolff L.* *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* Stanford, CA, 1994. P. 13.

⁵⁷ *Roberts A.* *Napoleon and Wellington.* L., 2001. P. 21–22.

⁵⁸ *Wolff L.* Op. cit. P. 356.

– как положительные, так и отрицательные – часто преувеличиваются народной памятью. Например, Тридцатилетняя война в немецкой культурной памяти стала одним из величайших бедствий всех времен, «беспрецедентной катастрофой», с точки зрения одного историка, «травмой немецкой нации» с точки зрения другого. Во второй половине XX в. этот взгляд на войну по-прежнему господствовал в Германии. Как напоминает нам Джеффри Мортимер, опрос, проведенный в 1962 г. в Гессене, указал, что респонденты по-прежнему считали Тридцатилетнюю войну и сопутствовавшую ей чуму «величайшим бедствием в истории Германии» в большей степени, чем две мировые войны, Третий рейх, Черную смерть, Наполеоновские войны и Семилетнюю войну. Тридцатилетняя война заняла свое место в народной памяти, и ее оттуда ничем не вытеснить⁵⁹.

Наполеон не желал, чтобы будущие поколения французов вспоминали поход в Россию в таком же ключе. Он осознавал важность свидетельств очевидцев, тех, кто пережил тяготы и волнения «русской кампании» – того, что теоретики называют «живой» или «коммуникативной» памятью, и что современники письменно или устно передают друг другу. Заметки очевидцев имели особое значение – не только для тех, кому они были предназначены, но и для последующих поколений. Их воспоминания являются «живыми» по целому ряду независимых друг от друга причин, о чем идет речь в недавнем исследовании военных мемуаров. «Они связаны с нашим жизненным опытом, то есть ограничены сравнительно коротким временным промежутком, максимум двумя-тремя поколениями; в них содержится сильный эмоциональный заряд, вызванный их непосредственностью, и они ни в коей мере не являются недвусмысленными, они часто бывают спорными и дискуссионными»⁶⁰. В первые десятилетия XIX в. воздействие мемуаров на умы было еще сильнее – сказывался глубоко романтический настрой эпохи.

Воспоминания солдат, сражавшихся в Наполеоновских войнах, воплотились в самых разных формах, от пьес и романов до песен и картин. А поход в Россию, запомнившийся огромными людскими потерями и душераздирающими сценами из рассказов тех, кто спасся, для многих стал олицетворением ужаса войны как такового: люди, замерзающие на-

⁵⁹ *Mortimer G.* Individual Experience and Perception of the Thirty Years War in Eyewitness Personal Accounts // *German History*. 2002. № 20. P. 141.

⁶⁰ *Assmann J., Czaplicka J.* Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. № 65: 125–133; *Forrest A., François E., Hagemann K.* Introduction // *War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture*. Basingstoke, 2012. P. 14.

смерть во сне; обессиленные настолько, что уже не пытались спастись, хотя спасение и было возможно; вынужденные ради выживания есть мясо собственных лошадей. Эта война олицетворяла как величие наполеоновской мечты, так и ее тщетность; она свидетельствовала о том, какие страдания люди готовы перенести во имя блистательной цели. Из всех литературных форм лучше всего глубину этих чувств передавали романы, доступные, к тому же, самому широкому кругу читателей как во Франции, так, конечно же, и в России, и неудивительно, что «русская кампания» и пылающая Москва оставили такой след в европейском воображении. Вне всякого сомнения, самое запоминающееся повествование о 1812 году принадлежит перу Толстого, который описал в романе «Война и мир» момент, с точки зрения многих ставший решающим в борьбе за независимость России. Описанные им персонажи отличаются храбростью и часто идеализированы: ученик Руссо, он верил в природную добродетель, и осуждая расточительство войны, он вместе с тем старался представить военное дело благородной профессией⁶¹. Конечно, его роман отражает русский взгляд на 1812 год, хотя и не сводится к нему. Но и во французской литературе XIX в. постоянно упоминался поход на Москву и люди, пережившие его, – они вызывали восхищение своей смелостью, своим упорством и прежде всего, своей непоколебимой верностью личности императора. В глазах французов потерпевший поражение Наполеон стал трагической фигурой, люди которого доходили в своей любви и верности до героизма.

Пьер-Жозеф Женеста, герой романа Бальзака «Сельский врач» – хороший пример наполеоновского ветерана, который, описывая свой российский опыт, много черпает из мнений и чувств настоящих ветеранов, вернувшихся в 1815 г. к мирной жизни и сделавших столь много для того, чтобы сохранить наполеоновскую легенду живой во всех городах и всех провинциальной Франции. И хотя в период Реставрации государственная власть относилась враждебно ко всем, кто служил императору, Женеста, чувствуя себя в безопасности в гостях у Бенаси, деревенского врача, в честь которого названа книга, демонстрирует, до какой степени он верен императору. «Если б вам довелось наблюдать военную тактику императора во время французской кампании, – мурлычет он, – вы бы просто сочли его богом»⁶². Даже посреди бедствий российского похода, когда звезда Наполеона покинула его, Женеста продолжает видеть в императоре нечто

⁶¹ См.: Orwin D. T. Leo Tolstoy: pacifist, patriot, and *molodets* // Anniversary Essays on Tolstoy. Cambridge, 2012. P. 79.

⁶² Balzac H. de. Le médecin de campagne. P., 1833; re-éd. 1958). P. 78.

сверхчеловеческое и по-прежнему не может винить Наполеона за то, что тот оказался в этой беде. Подобно солдатам, подобно самому Наполеону, Женеста обвиняет во всем русскую погоду и тех людей, которые не смогли ее предсказать, «ученых», которые оказались «болванами». Наполеон остался тем же гениальным полководцем, каким он был всегда; просто его счастье покинуло его. В Москве ничто, казалось, не предвещало беды; у каждого солдата были трофеи и немного денег, которые могли поддержать его на обратном пути. Если кого и стоило винить, то не императора; он лишь разделил несчастье своей армии. Изобразив Женеста, Бальзак выразил мысль, которую разделяли многие в его поколении. Иностранная армия не могла победить Наполеона, а погода смогла; она покончила с той удачей, которая должна сопутствовать каждому полководцу, желающему выигрывать битвы. Наполеону на войне всегда везло; это было одной из причин его огромной власти над теми, кто ему служил. Но когда он возвращался из Москвы, то, по словам Женеста, лишился своего везения. Вмешалась судьба. «Погода стояла прескверная, – говорит он, – императору не видать было своей счастливой звезды»⁶³.

⁶³ Ibid. P. 202.